

писателя, в том, что «не стало никого, кто был бы способен отразить врагов. . . Теперь враги продвинулись вперед. . . город будет принадлежать победителям» (гл. 10, 652 А—В).

В целом «Монодия на павших в Фессалонике» Димитрия Кидониса представляет собой ценный исторический источник, свидетельствами которого не приходится пренебрегать при изучении движения зилотов в Фессалонике. Будучи памятником общественной мысли времени сложной социальной ситуации в стране, «Монодия. . .» дает возможность исследователям для поисков вариантов интерпретации отдельных ее пассажей в целях уточнения или проверки данных об известных событиях 1345 г., а также для определения позиций господствующего класса. «Монодия. . .» Димитрия Кидониса свидетельствует, насколько близка была высокая риторика к социальным проблемам поздневизантийского общества.

Димитрий Кидонис

Монодия на павших в Фессалонике

1. Люди, избежавшие рук сородичей! Сколько я ни смотрю вокруг, я не могу, как подобает, описать город, в котором мы это пережили. Стены города стоят, но внутри сооружен трофей победы над гражданами — и это вынуждает назвать его, как и беженцы называют обезлюдевший город, худшим, чем Стикс и Кокит или земля варваров.

2. О все обнаруживающее и все скрывающее время! О несчастье, превзошедшее все исторические описания и все стихи! О молва, вынуждающая к молчанию всех пишущих повествования и сочиняющих монодии! Хвалить ли нам тех, кто решением судьбы жил в этом месте? Но ведь здесь мы видим и убийц, и тех, кто жесток по природе, кто вел войну против города. Или, может быть, нам проклясть город и объявить его преступным? Но ведь доблесть павших доказывает, что город достоин любой похвалы и молитвы. Кто же очернил доброе имя города? Кто не берегал его до конца от всех [опасностей]? Кто пренебрегал тем, чтобы считать для себя вопросом чести его мудрость и человеколюбие? Кто смешал главное и второстепенное? Ибо кто до этих дней отчаяния и ужаса настолько превосходил всех других в красноречии, чтобы быть в состоянии, повествуя, сравнить город по величине с величайшим [из городов]? [Кто мог судить] о местоположении [города], самом красивом и благоприятнейшем, или об урожае плодов, превосходящем доход Египта? Или о повсюду расположенных храмах и священных местах, столь больших и многочисленных, что нигде нет подобных им ни по величине, ни по количеству. Или о рынках, встречающих [гостей] со всех [концов] земли и заставляющих собравшихся недоумевать, в каком месте они находятся. Таким образом, жизнь здесь была такой, словно соединила [в себе] все [лучшее]. Многие восхваляли другие гавани, но эта по достоинству превзошла все другие, будучи примером того, как одно и то же место является и городом, и гаванью; город не кончался на море, но там располагался другой город. И городские стены были более величественными, чем [стены] Вавилона. Гавань же, величайшая из всех, какие мы знаем, обеспечивает надежнейшую защиту и, охватывая город словно руками, кажется, стремится с ним слиться. Разве вид города не успокоил бы недовольство? Разве не излечил бы он пострадавшего? И не склонял ли он любого гостя забыть родной дом?

3. Что же касается благочестия города и его служения богу, то лучше это докажет молчащий, чем говорящий вслух. Ибо нет установленного времени для желающих отбивать поклоны, а с тех пор как храмы открыты днем и ночью, можно много времени уделять молитвам и быть спокойным в отношении того, из-за чего и пришел с просьбой. Среди остальных [проявлений] рвения и усердия [следует вспомнить] красоту жертвенных даров, многочисленность религиозных процессий, продолжительность панихид, мастерство певцов и во всем, словно в музыке, гармоничность